

В. М. Складенко, И. А. Рудычева,
В. В. Сядро, О. В. Манжос

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ВЕЛИКИЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ

ТАЙНА СМЕРТИ И ПОГРЕБЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

ЗАГАДКИ ТЕРРАКОТОВОЙ АРМИИ

АТТИЛА — ОСВОБОДИТЕЛЬ НАРОДОВ ИЛИ БИЧ БОЖИЙ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ЗОЛОТАЯ ОРДА

ПРОКЛЯТИЕ ТАМЕРЛАНА

КАК КОРТЕСУ УДАЛОСЬ ЗАВОЕВАТЬ АЦТЕКОВ

Харьков
ФОЛИО
2013

**«ОН ЛЮБИЛ НЕ ВСЯКУЮ СЛАВУ
И ИСКАЛ ЕЕ НЕ ГДЕ ПОПАЛО...»**

Эти слова, сказанные об Александре Македонском древнегреческим писателем и историком Плутархом в его «Сравнительных жизнеописаниях», как нельзя лучше характеризуют великого полководца. Ведь именно благодаря его «разборчивому» тщеславию, широте взглядов и страсти к познанию мира он, по словам украинского историка В. Л. Карнацевича, «сумел создать державу, равной которой не знало человечество», «раньше, чем ученые, сумел постичь все многообразие, но одновременно и единство ойкумены». Военная и политическая деятельность Александра, ставшая «величайшим потрясением и для древней Европы, и для древней Азии», соединила «истории этих частей света», «превратив их в одну — всемирную историю». Эта деятельность была смыслом его жизни, которая, как справедливо отмечает историк, «представляла один большой поход, перманентную войну», где «одна победа влекла за собой другую». Его война никак не могла закончиться, ибо, «форсировав реку, Александр узнавал, что там, за горизонтом, есть еще одна река, еще города, еще народы». И он «не мог спать спокойно, зная, что есть места, где он не бывал, где не знают его имени». Эта потребность великого завоевателя в нескончаемом движении была весьма точно подмечена еще древнеримским историком Аппианом, который в своей «Гражданской войне» писал: «...Чтобы образно охарактеризовать жизненный путь и власть Александра, можно сказать, что он завладел всей землей, которую он видел, и умер, помышляя и мечтая об остальной».

Это подтверждают грандиозные планы, которые вынашивал великий македонянин буквально накануне своей внезапной кончины. Вот что пишет о них В. Л. Карнацевич: «В последние месяцы своей жизни Александр разрабатывал планы

завоевания всего средиземноморского мира. Он собирался нанести поражение Карфагену, захватить Северную Африку и Испанию, утвердиться в Сицилии, совершить поход вплоть до Геракловых столпов (современный Гибралтарский пролив). Для осуществления всех этих планов велись интенсивные подготовительные работы: строились корабли, набирались и обучались команды в Финикии и Сирии. В Вавилоне царь приказал соорудить верфи и вырыть огромный бассейн, рассчитанный на тысячу кораблей». Однако ни осуществить эти планы, ни увидеть плоды своей государственной политики, выразившиеся впоследствии в развитии мировой торговли и экономики, в формировании так называемой эллинистической культуры — своеобразного сплава европейских и азиатских традиций, — Александр Македонский уже не успел. Он ушел из жизни, не достигнув и 33 лет, но оставив после себя на карте мира уникальное образование — крупнейшую мировую монархию древности, простиравшуюся от македонского Стримона до Инда, и массу загадок, над которыми вот уже более 24 столетий бьются ученые всего мира.

И это неудивительно. Ведь достоверных исторических материалов, повествующих о событиях того времени, в которое он жил и творил свою мировую державу, практически не осталось, а то, что нам известно, написано много столетий спустя после его смерти. Вот как характеризует документальные свидетельства о жизни Александра Македонского В. Л. Карнацевич: «Мы судим о нем и его делах по нескольким уже неоднократно прокомментированным и разобранным, буквально по словам и фразам, источникам, авторов которых отделяли от описываемых ими событий порой сотни лет. Плутарх, Арриан, Квинт Курций Руф пользовались, конечно, трудами, которые были написаны значительно ранее — вероятно, современниками или даже знакомыми Александра, но не всегда мы можем понять, что было точно передано более поздними исследователями, а что ими же додумано. Не говоря уже о том, что и современники не были чужды сочинительству. Информация, которая доходила из Азии в Европу, могла по дороге обрасти совершенно фантастическими подробностями».

ми, а зачастую эти подробности были следствием хорошо продуманной идеологической кампании. Так что нам приходится относиться к Александру не только как к конкретному историческому деятелю, а именно как к персонажу. Персонажу собственной, вне всякого сомнения, удивительной жизни и написанной об этой жизни истории».

В ней все, начиная с рождения, было окружено тайной. В народе бытовало мнение, что отцом Александра был вовсе не одноглазый царь Македонии Филипп, а высшее божество, которое привечала по ночам в храме его мать Олимпиада¹. Сама она то поддерживала, то опровергала эти слухи. И вот, провожая сына в персидский поход, царица якобы сказала ему о том, кто же из небожителей являлся его «настоящим» отцом. Впоследствии Александр широко эксплуатировал эту легенду о своем сверхъестественном происхождении.

В истории его царствования и завоевания Востока вообще немало таинственного и туманного. До сих пор остаются во многом предметом догадок причины и цели, побудившие молодого царя броситься в столь неслыханную военную, политическую и религиозную авантюру, каким стало завоевание Персидской империи и части Индии. В описаниях древнегреческих и древнеримских авторов весьма противоречивыми выглядят как многие поступки Александра, так и черты его характера. В силу этого одни авторы воспевают его как героя, свершившего великие деяния и наделенного большим умом, знаниями, силой, мужеством и способностью владеть собой, другие, напротив, корят за склонность к порочным страстям, излишнюю импульсивность и впадение в крайности. В частности, по мнению римских стоиков, македонский царь был лишь карикатурой на героя, больным человеком с нездоровым воображением, не умеющим владеть собой и ставшим жертвой собственной неводержанности. Вот что, к примеру, писал о нем Луций Сенека: «Несчастливого Александра гнала и посылала в неведомые земли безумная страсть к опустошению, или, по-твоему, здрав умом тот, кто начал с разгрома

¹ Согласно египетской версии, Александр являлся сыном не Филиппа, а египетского царя Некталеба, который, будучи низложен с престола, проник в Македонию под видом астролога и влюбил в себя Олимпиаду.

Греции, где сам был воспитан? Кто отнял у каждого города то, что там было лучшего, заставив Спарту рабствовать, Афины — молчать? Кто, не довольствуясь поражением многих государств, либо побежденных, либо купленных Филиппом, стал опрокидывать другие в других местах, неся оружие по всему свету? Чья жестокость нигде не остановилась, уставши, — наподобие диких зверей, загрызающих больше добычи, чем требует голод? Уже множество царств он слил в одно; уже греки и персы боятся одного и того же; уже носят ярмо племена, свободные даже от власти Дария, а он идет дальше океана, дальше солнца, негодует, что нельзя нести победу по следам Геракла и Диониса еще дальше, он готов творить насилие над самой природой. Он не то что хочет идти, но не может стоять, как брошенные в пропасть тяжести, которые не могут остановиться в своем падении, пока не упадут на самое дно».

Древние историки оставили нам порой совершенно противоположные мнения о характере и наклонностях великого завоевателя. Так Квинт Курций Руф в своей знаменитой «Истории Александра Македонского», отдавая должное его мужеству, выносливости, презрению к опасности, быстроте в решениях, верности своему слову, в то же время нелюбезно пишет о многих присущих ему чертах: «Едва отступили настоятельные заботы, как душа Александра, куда более стойкая на войне, чем на досуге и покое, стала добычей изменных страстей, и тот, кого не сломало оружие персов, был поражен пороками. Беспрерывные пиры, нездоровые до утра попойки и увеселения с толпами распутниц, всяческое погружение в чужеродные обычаи. Перенимая их, будто они лучше родных, царь оскорблял чувства и взоры своих соплеменников, и многие из прежних друзей стали к нему враждебны». А вот Плутарх не усматривал в поведении великого македонца ничего порочного: «И к вину Александр был привержен меньше, чем это обычно считали, думали же так потому, что он долго засиживался за пиршественным столом. Но в действительности Александр больше разговаривал, чем пил, и каждый кубок сопровождал длинной речью. Да и пировал он только тогда, когда у него было много свободного времени. Если же дохо-

дило до дела, Александра не могли удержать, как это не раз бывало с другими полководцами, ни вино, ни сон, ни развлечение, ни женщины, ни занимательные зрелища».

Такой же противоречивый психологический портрет можно найти и у современных историков. «Перед нами возникает образ титанической личности, фигура противоречивая, но обаятельная. Человек огромных амбиций и широких взглядов, в целом расчетливый военачальник и политик, поступки которого, однако, часто совершались под влиянием мгновенного импульса. Практик и идеалист в одном лице. Рыцарь и деспот. С такой неоднозначностью столкнется каждый, кто займется исследованием биографии великого завоевателя», — так характеризует Александра Македонского В. Л. Карнацевич. И хотя перед авторами этой книги не стояла задача полной и всесторонней характеристики личности этого выдающегося полководца, эти и другие мнения историков, особенно тех, кто жил в непосредственной временной близости от него, немаловажны для поиска ответа на самые главные загадки, оставленные им потомкам: что послужило причиной (или причинами) его внезапной смерти и где находится место его последнего упокоения?

ЗАГАДОЧНЫЙ НЕДУГ

Александр Македонский скончался скоропостижно, не дожив четырех месяцев до 33 лет. Он ушел из жизни в расцвете сил, процарствовав всего лишь двенадцать лет и десять месяцев. По свидетельству всех его древних биографов, солнце его жизни закатилось в Вавилоне жарким июньским вечером 323 года до н. э. Что же касается конкретной даты, то чаще всего называются 10, 11 или 13 июня. Но, поскольку до сих пор не найдено ни одного материального памятника, прямо указывающего на тот скорбный день, достоверность этих чисел ничем не подтверждена, и в исторической литературе можно встретить более десяти разных дат ухода великого полководца по юлианскому календарю — от мая 324 года до сентября 323 года до нашей эры.